

ГРЕЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В ПОДРАЖАНИЕ ЛУКИАНУ

(XII в.)

Скажи мне, Харон, кто этот крикун там напротив, на том берегу? И как это смертный осмелился угрожать с такой невероятной заносчивостью? Вот он вопит: "Если ты, сквернейший из гребцов, приблизишься, то, клянусь Зевсом, я тебя проколю копьем или схвачу за ноги и брошу в реку", и что-то еще в этом роде. Ведь, вероятно, ты и сам тоже слышал? [1]

ХАРОН. И я это услышал, но подумал, что это он, как водится, смеется и шутит.[2]

ГЕРМЕС. И нам стоит над этим посмеяться. А я встретил бы его вот этим багром, да боюсь, не вызвал бы он меня на убийство. Но что же ты хохочешь, Харон?[3]

ХАРОН. Да только потому, что вижу, как ты беснуешься. Создается впечатление, будто ты вообще уже не в себе.

ГЕРМЕС. Ты это верно говоришь. Но что же мне, делать, если у меня такие переживания? От неожиданностей наш ум приходит в смятение. Да к тому же, я еще маленький и глупенький.[4]

ХАРОН. Пусть так, Гермес! Но теперь мы это оставим и пойдем. Опять какой-то голос, не очень приятный для уха, донесся до нас, так что и ты пошевеливайся живее!

ГЕРМЕС. Вот, я здесь. И сходни я уже убрал, и якорь поднял, а ты распусти парус и держи руль![5]

ХАРОН. Все в порядке!

ГЕРМЕС. Ой!..

ХАРОН. Что такое?..

ГЕРМЕС. Я вижу мужа в полном вооружении, грозно бросающего на нас пронзительные, как у Титанов, взгляды. Или в этом деле замешано какое-то колдовство и он путем обмана зрения воздействует на меня?[6]

ХАРОН. Зрение тебя вовсе не обманывает. Но как ты в одно мгновение из льва стал зайцем? Ведь только немного раньше ты был чуть ли не более грозным, чем сам Арес. А теперь, едва увидев этого человека, ставшего тенью без тела, ты дрожишь и со страху чуть не умер.[7]

ГЕРМЕС. Хорошо, что ты заставил меня опомниться. Действительно, страх, против обыкновения, меня не покидает. Уж не знаю, как это я, входя в лодку, оставил на берегу мужество и стал совершенно похож на старика, призывавшего к себе когда-то смерть (ведь он считал, что лучше один раз умереть, чем всю жизнь быть несчастным). Увидев, какова она с виду, он был не в состоянии смотреть на нее и сказал: "О смерть, жалься надо мной: подними эту ношу и взвали на меня!"[8]

АЛЕКСАНДР. Остановитесь, замолчите, наконец! Я тороплюсь, а вы меня и так задержали, негодяи, увлекшись разговором между собой.[9]

ХАРОН. Перестань, мой милый, такие вещи опасно говорить, как бы ты не поплатился за свое высокомерие.[10]

АЛЕКСАНДР. О Аммон, ты должен услышать, чего я натерпелся сегодня от проклятого перевозчика. Ведь он не послушался того, что я сказал, и угрозами своими обидел меня. Кто в силах вынести все это? Какая кара подойдет этому мерзкому старикашке? Я был бы последним человеком, если бы не отомстил сразу за все угрозы и неповиновение.[11]

ХАРОН. Молчи, говорю, и не стремись быть грозным перед бесстрашными. А также помни во время разговора, что и кому говоришь. Если ты не перестанешь оскорблять меня, то очень скоро узнаешь, что эта заносчивость тебе не много поможет. Но более всего обидно и непереносимо то, что Харону, помощнику Плутона, приходится терпеть подобное высокомерие. А что касается меня, то я не собираюсь более спорить. Теперь я не буду отказываться от драки и даже при моих сединах, с такой бородой хочу вступить с тобой в единоборство. И я не беспокоюсь об исходе этого боя, хотя буду сражаться с незащищенной головой и телом. Я научился наносить и отражать удары веслом не хуже, чем ты мечом и щитом.[12]

АЛЕКСАНДР. А ведь тебе за развязность и дерзость надо бы не только язык отрезать, но и смертью покарать тебя. Но мне стыдно сражаться с перевозчиком, я полководец и в военном искусстве превзошел почти всех своих предшественников.[13]

ГЕРМЕС. Пойдем, Харон, ради Зевса! Ведь этот человек, по-моему, не в меру рассержен на нас. Давай уйдем, чтобы не стало хуже![14]

ХАРОН. Ну, хватит, чудак ты человек! Прекратим друг с другом ссориться, как будто мы дети! Стыдно! И кроме того это затягивает, а мне надо другими делами заняться, ведь день-то уже на исходе! Итак, скажи, кто же ты?

АЛЕКСАНДР. Знай же, что я зовусь Александром, сыном Аммона! И он не лжет, когда называет меня своим потомком.[15]

ХАРОН. Ничего вразумительного, Александр, ни Аммон, ни прорицатели Аммона не говорили: ты бы не умер, если бы был сыном Аммона.[16]

АЛЕКСАНДР. О, Геракл! Ты мелешь чепуху, я же еще живой![17]

ХАРОН. Вовсе не живой, ты - настоящий мертвец![18]

АЛЕКСАНДР. Не знаю, почему, но я начал понемногу постигать правдивость этих слов. В самом деле, друзей моих и соратников нигде не видно, и мне кажется, что я покинут всеми, к кому привык, кто обычно окружал меня и повиновался мне. Самое же ужасное, что я умер, ничего не сделав.[19]

ХАРОН. Скажешь тоже... сначала ты напугал [эллинов] гибелью фиванцев, и они тебя избрали вождем. Затем, вторгшись в Азию, ты завладел Лидией, Ионией, Фригией, а в Иссе и Арбелах победил самого Дария, приведшего несметное войско, и

вообще покорил, так сказать, всю землю. И умер, ничего не сделав?![20]

АЛЕКСАНДР. Ты прав. Если мы рассматриваем то, что я совершил, может показаться, что я сделал много, а если то, что еще предстоит, то совсем ничего. Так не удивляйся, что я не мирюсь с действительностью.

ХАРОН. Ты надеялся, Александр, покорить весь мир?

АЛЕКСАНДР. Не только весь мир, но и всех в нем живущих. И вот погиб, прежде чем завоевал его. Так что перевези меня на другой берег.

ХАРОН. Садись в лодку, но сначала положи на землю оружие и покажи обол, который должен служить мне платой за перевоз.[21]

АЛЕКСАНДР. Оружие-то я брошу, а за переправу не заплачу: в рот мне не вложили оболы.

ХАРОН. Тебя отправят назад, и ты опять вернешься в жизнь.[22]

АЛЕКСАНДР. Ни в коем случае! Я нашел его.

***

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ср.: Лукиан, "Разговоры богов", 21,1; 19,1; 21,1.
2. Ср.: Лукиан, "Морские разговоры", 2,2; "Александр, или Лжепророк", 25.
3. Ср.: Лукиан, "Тимон, или Мизантроп", 48; "Разговоры в царстве мертвых", 13,2.
4. Ср.: Лукиан, "Разговоры богов", 2,1.
5. Ср.: Лукиан, "Разговоры в царстве мертвых", 10,10.
6. Ср.: Лукиан, "Разговоры в царстве мертвых", 10,7; "Икароменипп", 23; византийский диалог "Друг отечества", 22; Лукиан, "Морские разговоры", 4,1.
7. Ср.: Лукиан, "О скорби", 9; "Токсарид", 60.
8. Ср.: Лукиан, "Разговоры богов", 7,4; "Разговоры в царстве мертвых", 1,2.
9. Ср.: Лукиан, "Морские разговоры", 3,2.
10. Ср.: Лукиан, "Разговоры богов", 21,2.
11. Ср.: Лукиан, "Морские разговоры", 2,1; "Суд гласных", 10; "Разговоры богов", 14,2.
12. Ср.: Лукиан, "Разговоры богов", 13,2; 2,1; "Токсарид", 60.
13. Ср.: Лукиан, "Разговоры в царстве мертвых", 10,3; 12,1.
14. Ср.: Лукиан, "Тимон, или Мизантроп", 34.
15. Ср.: Лукиан, "Разговоры в царстве мертвых", 12,2; 13,1.
16. Ср.: там же, 13,1; 14,1.
17. Ср.: Лукиан, "Сновидение, или Жизнь Лукиана", 17.
18. Ср.: Лукиан, "Разговоры в царстве мертвых", 10,4.
19. Ср.: Лукиан, "Разговоры богов", 24,1; "Рыбак", 26.
20. Ср.: Лукиан, "Разговоры в царстве мертвых", 12,4; 12,3.
- 21-22. Ср.: Лукиан, "О скорби", 10; "Евнух", 12.

Воспроизведено по изданию: Античность и Византия: Сб. ст. - М., 1975. - С.199 - 202.